

*Кривое дерево наслаждается жизнью,
в то время как ровное дерево идет на доски.*

(китайская пословица)

Эта история для всех кривых деревьев.

Желаю вам наслаждаться жизнью.

Пролог

Четверг — вот когда все изменилось. Я не помню точной даты и времени. Но хорошо помню того белого кролика, которого я заметила незадолго в то же утро на траве между трассой и трамвайными путями. Я стояла на светофоре: в одном ухе музыка, уличный шум — в другом. Я слишком к этому привыкла. К постоянному шуму машин, к запаху бензина, к слоям еле заметного пара, который исходит от асфальта в жару. А кролик просто жил; очень маленький и красивый, он прыгал где-то среди машин в час пик. И, вопреки клише, он ни капли не боялся. Он был подобен волку среди овец. И я хотела быть похожим на него.

ПРОТОКОЛ

Мюнхен, четверг, 21 мая, 11:45

Администрация городской гимназии имени Кете Кольвиц

Тема: Издательства над Юлией Нольде

.....
Комиссия:

госпожа Ферхлендер — директор;

господин Вейганд — заместитель директора;

Эдгар Ротшильд — ученик выпускного класса;

Бенджамин Ротшильд — отец ученика, законный опекун.
.....

ЭДГАР:

Ничего не было.

ГОСПОЖА ФЕРХЛЕНДЕР:

Насколько я знаю, ты нашел сумку, верно?

ЭДГАР:

Да, верно. В автобусе. Но я этого не делал.

ГОСПОДИН ВЕЙГАНД:

Но ты же понимаешь, что некоторым людям здесь трудно поверить в это.

ГОСПОДИН РОТШИЛЬД:

Мой сын не лжет. Если он говорит, что не делал этого, значит, не делал.

ГОСПОЖА ФЕРХЛЕНДЕР:

Мы не обвиняем вашего сына.

ГОСПОДИН РОТШИЛЬД:

Да? По-моему, выглядит как обвинение.

ГОСПОДИН ВЕЙГАНД:

Мы просто пытаемся собрать в единое целое то, что произошло, вот и все.

ГОСПОДИН РОТШИЛЬД:

Я бы сказал, что вы все осведомлены о том, что произошло. Просто никто не знает, кто это был.

ГОСПОЖА ФЕРХЛЕНДЕР:

Мы хотим правды.

ГОСПОДИН РОТШИЛЬД, усмехнувшись:

Правды? А чьей правды вы хотите?

ГОСПОЖА ФЕРХЛЕНДЕР:

Как вы думаете, их больше одного?

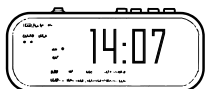
ГОСПОДИН РОТШИЛЬД:

Виновных всегда больше одного.

ГОСПОЖА ФЕРХЛЕНДЕР:

Хорошо. *Госпожа Ферхлендер смотрит на Эдгара.* Тогда расскажи мне свою правду.

ДВУМЯ ДНЯМИ РАНЕЕ ВТОРНИК, 19 МАЯ

Иногда Эдгар думает, что такие люди, как он, существуют только для того, чтобы другие сравнивали себя с ним, тем, кто хуже. Потому что если все сравнивали бы себя только с лучшими, они на их фоне казались бы средними и, следовательно, просто нормальными. Если эту мысль развить, то выходит, что он неплохой человек. Поэтому Эдгар считает, что люди должны быть благодарны таким, как он. Но это не так. Он считает, люди слишком заняты собой, чтобы обращать на него внимание.

Некоторое время ему казалось, что и она не особо отличается. Но кое-что заставило его изменить мнение.

Эдгар сидит в задней части автобуса, в предпоследнем ряду слева, как в принципе и всегда, когда ездит один. Он слушает «In the Morning» исполнителя Jefferson Airplane, а его взгляд устремлен на нее как заряженное оружие. Он видит только ее темные волосы и шею. Даже

такие мелочи оставляют шрамы на сердце. Она смотрит куда-то в окно на проплывающие мимо деревья. Он не видит ее лица, только лишь очертания ее профиля.

Несколько дней назад они тоже вместе ехали в школу, а затем возвращались после уроков домой. Воспоминания об этом моменте кажутся странно чужими. Как будто его там не было, а был кто-то другой. Как будто кто-то только что рассказал ему об этом.

Их дружба, или как это вообще можно назвать, ограничивалась поездками на автобусе. До и после они не разговаривали друг с другом. Как будто все это — один большой секрет. То, о чем вы не говорите другим. Она — потому что стеснялась, он — потому что ему все равно никто бы не поверил. Как будто такая девушка, как она, будет общаться с кем-то вроде него. Ее шея такая тонкая и нежная. Эдгар не хочет представлять, как пахнет ее кожа, но не может остановиться. У нее маленькие круглые ушки. *Как ракушки*. Это слово больше всего подходит для описания.

Они познакомились почти три месяца назад. Он был одним из тех безымянных ребят из массовой, которые крутятся вокруг них и им подобных. Плутон на своей орбите. Если бы она не столкнулась тогда с ним, ничего бы не случилось. Между ними лежала разграничительная

черта, как линия в спортзале, указывающая на место игрока. Вы, конечно, можете преступить ее, но вам не хочется. Ведь это нарушение правил. Как будто это не просто отметина на полу, а ограничение, с которым человек рождается.

На самом деле Эдгар ничего не имеет против своего мирка. Он никогда не хотел быть звездой школы. Тем более он совершенно не понимал, за что другие заслужили такое звание. Звезды. Во всяком случае, они всем нравятся (хотя в этом он уже не уверен). Все остальные их просто боятся. Уродливый внутренний мир под маской фальшивой улыбки. У них есть власть, но не слава. И все же их считают популярными. Они немного красивее, немного лучше, как будто в их мире больше смеха, вечеринок и контрастов, чем у обычных людей. Они просто напускают туман, в котором все вынуждены жить. Что-то вроде пузыря.

И все же ему нравились поездки на автобусе с ней. Они были тем самым лучиком света в его тьме. Прыжок из своей реальности в другую. Что-то вроде экскурсии в промежуточную вселенную между двумя мирами. Как если бы кролик и волк встретились.

Он должен признать: с ней было удивительно легко разговаривать. До этого она всегда была просто девочкой с детским лицом и большой грудью. Потом она стала встречаться с Леонар-

дом — вероятно, из-за этого самого атрибута. И вдруг оказалось, что она смешная и умная; девушка, у которой есть собственное мнение, а не только большие сиськи.

Но лучше бы Эдгар ее не знал. Если бы он никогда с ней не заговорил, он по-прежнему видел ее такой, как всегда: хорошенькой картинкой, на которую можно передернуть. Девушкой с марципановыми руками и красивым ртом. Но поскольку он знал, какие вещи она вытворяет этим ротиком, он не мог спокойно смотреть на то, как она ему улыбается. Будто одна из тех оптических иллюзий, когда вы сначала ничего не видите, а потом кто-то говорит вам, что искать, и вы видите тоже. И уже не можете не видеть. Именно так он чувствует себя с ней.

Еще одна остановка, затем она сойдет. Эдгар продолжает смотреть в ее сторону, ожидая, когда она нажмет на кнопку остановки, и в ту же секунду она делает это, как будто его мысль направляла ее левую руку. Она нажимает белую и мягкую кнопку, и слышится характерный сигнал для водителя. Несколько дней назад он сидел рядом с ней. На том месте, где она была сейчас — рядом с окном, прямо у двери. Но в этот раз место у окна она оставила свободным. Как если бы она натянула ограничительную ленту, которая ясно давала понять, что соседям тут не рады.

Потом встает с места. Ни взгляда на него, ни улыбки, ничего. Она присутствует только физически, уже давно в своих мыслях.

Автобус замедляется, Эдгар видит остановку и слышит шум тормозов. А в груди становится тяжело, вроде как тоскливо. Он хотел бы выйти с ней, спросить, что происходит. Он что-то не так сделал? Но он уже спрашивал. Вчера на обратном пути и сегодня по дороге в школу. И оба раза она ему подыграла. «С чего ты решил, что что-то случилось?» — спросила она, глядя на него, как на незнакомца. И с этого самого момента они снова стали ими. Она безвозвратно стерла последние несколько недель одним взглядом и отбросила Эдгара обратно в его мир всего одним предложением.

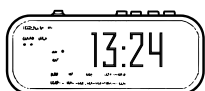
Двери открываются, пейзаж снаружи такой серый и безразличный. Точно такой же, как она. Бесцветная вставка в лето, бьет все рекорды. Душно, погода почти убивает. Девушка покидает автобус, но никто не заходит внутрь, поэтому двери закрываются, и автобус начинает медленно двигаться, как старик, который задыхается из-за влажного воздуха. Эдгар смотрит на нее в окно, а затем, внезапно, она поднимает глаза, на мгновение, может быть, даже на миллисекунду. Она смотрит прямо на него, а он оглядывается, и пустота на ее лице похожа на бездну. Два больших глаза, за которыми так темно, что у Эдгара му-

МНЕ НЕ ЖАЛЬ

рашки по коже. Как будто кто-то выключил ее, как прикроватную лампу.

Она переходит дорогу, набросив рюкзак на плечи и склонив голову. Сегодня у нее нет с собой сумки. Он наблюдает за ней, пока автобус не скрывается в подземном переходе, затем его взгляд обрывается, как нить, которую натянули слишком сильно.

Что-то, должно быть, произошло за последние три дня. В пятницу она была совершенно другим человеком.

Итак, что касается того факта, что рыжие, предположительно, вымирают, Линда ему не верит, так как видит огромное количество рыжеволосых повсюду. Сейчас она даже едет за одним таким на велосипеде. А вчера в REWE¹ видела двоих. Или, может быть, она обратила на это внимание только потому, что ее мать упомянула о рыжих на днях за завтраком. Затем она отложила газету, возмущенно посмотрела на Линду и ее отца и спросила: «Вы знали, что рыжие вымирают?» — Она сказала это так, словно это было что-то личное. Как будто она боялась, что в любой момент кто-нибудь может открыть дверь кухни и застрелить ее только потому, что у нее рыжие волосы. На самом деле они не совсем рыжие, они скорее оранжевые. Звучит некрасиво, но выглядит не так.

Волосы у мамы красивые, а вот у Линды — скучные. Она унаследовала свои волосы от отца, что подтверждает факт исчезновения рыжеволосых людей. Волосы Линды тусклого светлого оттенка, почти седого: невыразительные, обрамляют лицо. Несколько девочек в их школе покрасили волосы в серый. Вот почему волосы Линды

---

¹ REWE — сеть супермаркетов в Германии.

теперь зеленые. Она определенно не хочет быть как все. Достаточно досадно, что ей приходится дышать *таким же* воздухом, что и другие. Мать бы поправила ее сейчас, будь она дома: «*Тем же*, Линда, а не *таким же*. Есть разница». — И она объяснила бы ей эту разницу во всех подробностях. Но Линде уже плевать, каким там воздухом и кто дышит.

Последние несколько метров она проезжает на велосипеде до садовой калитки, затем тормозит и слезает. Рыжая женщина едет дальше. Солнце в небе как огромный прожектор. Будто жизнь — это сцена, а Линда — второстепенная актриса без реплик. Смотрит на дом, в котором она живет, в котором всегда жила, — маленький, с остроконечной крышей.

Как гном в окружении верхушек деревьев. Ее комната находится на самом верху. Везде ломаные потолки и балки. Ее отец все время повторяет, что если бы у него было больше денег, он бы переделал дом. Современные стеклянные фасады, просторная гостиная, может быть, даже пристройка. Она рада, что у него нет денег. Да, дом маловат для них, комнаты плохо спроектированы, окна плохо закрываются, а зимой холодно. Но у него есть характер. Он похож на человека, с которым живешь. Ты знаешь его всю жизнь, как родную бабулю. Со всем шумом и запахом. Неважно, что краска отслаивается

езде: и на ставнях, и на кованых балконных перилах; что дом когда-то был светло-голубым и с белыми ставнями, — все это не имеет значения. Между тем дом представляет собой последствия выцветания и погоды и все равно выглядит замечательно.

Бабушка Линды со стороны отца купила этот дом много лет назад за небольшие деньги. Земельный участок сейчас стоит целое состояние. Вокруг них почти исключительно виллы. Старые и новые. И несколько современных квартирных домов из бетона, с окнами от пола до потолка. Их дом выделяется своей острой крышей на фоне других. Отличительная черта, о которой знают все в округе, — факт, которым Линда втайне гордится.

Она толкает велосипед по гравийной дорожке. И мягкий хруст гравия звучит как приветствие. Ее родителей еще нет: на подъездной дорожке не видно ни машины ее матери, ни велосипеда отца. Линда улыбается. Ей нравится эта мысль: уделить себе пару минут после школы. Без глупых расспросов о сдаче экзаменов и обсуждения ее личных проблем. Только она и тишина. Единственная загвоздка в том, что Линда должна приготовить обед. Потому что первым готовит тот, кто приходит домой. Это неписанный закон в доме Офербеков. Таких законов не много, всего несколько штук или что-

то в этом роде, но их нужно соблюдать. Например, правило посудомоечной машины. Тот, кто открывает посудомоечную машину, должен ее разгрузить. И нередко ее отец или она ходят вокруг посудомоечной машины, как хищники, высматривающие маленькую ложку: они достали йогурт в надежде, что кто-то из них откроет машину первым. Мать Линды этого не понимает. Иногда Линде кажется, что мать завела тайник где-то в доме, куда прячет чистую посуду. Иначе куда постоянно деваются все ложки? Помимо правила посудомоечной машины существуют также правила для рулонов туалетной бумаги. Они, в свою очередь, делятся на два подправила. Первое: использованные рулоны туалетной бумаги необходимо заменять при любых обстоятельствах. Второе: тот, кто достает из упаковки последний рулон туалетной бумаги, должен добавить этот предмет в список семейных покупок. У них есть приложение, которое автоматически обновляется на всех трех телефонах. Можно даже увидеть, кто что и когда добавил. Полный контроль. Это правило ввел в семью отец Линды. Любой, кто его хоть немного знает, охарактеризовал бы его как миролюбивого человека. Линда старается следовать правилам, но не всегда получается помнить обо всем. В какой-то момент мать Линды тоже призналась ей, что иногда забывает. Точная формулировка

была такой: «Ну, время от времени, когда мы спорим с твоим отцом, я делаю это специально. Оставляю пустой рулон на месте. Просто чтобы рассердить его». Линда иногда задается вопросом, является ли туалетная бумага такой проблемой в других семьях, но она такого даже представить не может. У Офербеков все зависит от этого. А также от того, как именно повесили рулон туалетной бумаги, потому что, по словам ее матери, это многое говорит о характере человека. Она говорит, что первый лист должен быть вверху. Определенно не наоборот. Люди, которые так вешают туалетную бумагу, — жалкие скупердяи. «Взгляни, — говорит она каждый раз. — Это действительно так. Все мы скряги». Линда не хочет спорить, поэтому вешает бумагу так, как ей велит мать.

Третье правило существует почти во всех семьях — никаких наркотиков. Родителям безразлично, легкие они или нет. Это все — проделки дьявола. Но ее родители не были бы ее родителями, если бы в редких случаях не делали исключений. Таковы выжившие хиппи. Одна не кури, только с родителями. «По крайней мере, мы знаем, откуда это», — говорит ее мать. Линда редко курит, и только с родителями, может быть, один или два раза в год. В основном на террасе, когда соседи устраивают барбекю, и никто не чувствует запаха. Последний раз с Эдга-

ром был где-то в июне прошлого года — незадолго до того, как Момо перешла в их школу и все изменилось.

Помимо правила запрета на наркотики есть еще и обязательный пункт про презервативы. Заниматься сексом естественно разрешено. По словам ее матери, даже если все здоровы, предохраняться нужно. Так что если Линда хочет заняться сексом — это прекрасно, даже если под крышей родительского дома, но ТОЛЬКО с презервативом. Что касается мнения отца — тут два на одного: он видел слишком много нежелательных беременностей, особенно среди несовершеннолетних. На данный момент он спокоен, так как сейчас Линда встречается с Момо, но до этого к Эдгару было много претензий. «Он действительно хороший мальчик, — говорил в то время ее отец, — ты знаешь, как сильно он мне нравится, но такие хорошенькие мальчики могут оставить девушку беременной».

И наконец, что не менее важно, есть правило по поводу готовки. У Линды все всегда сводится к пасте. Часто только с небольшим количеством масла и соли, в редких случаях — с покупным соусом. Иногда она задается вопросом, готовит ли она постоянно одно и то же, потому что надеется, что в какой-то момент родители так устанут от ее вечных макарон, что закажут еду на дом или просто отменят правила кухни. Но

они доказывают, что их не так-то просто сломать. Так что еще раз пасту с маслом.

ДРУГИЕ

КЛЕМЕНС:

Ей повезло, что она ничего обо мне не писала. С другой стороны, я немного удивлен, что меня вообще не упомянули. Я имею в виду, что мы учились вместе целых три года. А теперь она обо мне вообще ничего не пишет? Seriously?

ДЖОАННА:

Я вообще не понимаю, о чем речь. Меня не волнует, что думает эта тупая корова. Если честно, думать о ней — последнее дело.

НАТАН:

Она мне всегда очень нравилась, у нас было несколько совместных проектов, но, судя по тому, что я сейчас прочитал, лучше ее избегать. В противном случае ее следующая вспышка гнева будет направлена на меня.

КЭТИ:

Я всегда знала, что она только строит из себя шлюху. То есть, вы серьезно не заметили?

ТАТЬЯНА:

Боже мой, она просто была честной. Все, что она сказала — полная правда. Все остальное — ее личное дело. В этой истории самый настоящий козел — тот, кто опубликовал все записи. Seriously, кто это вообще сделал?

ПАУЛЬ:

Ну, я догадываюсь, кто за этим стоит. Интуиция подсказывает. С другой стороны, тот факт, что этот человек тоже есть в записях, оскорбляет и его. Но это может быть умным ходом, чтобы отвлечь от себя подозрения. Ясное дело, что обо мне в записях ничего не было. Я же недостаточно важен. Наверное, мне повезло.